

A dramatic night cityscape with a lightning bolt striking a skyscraper. The sky is dark and stormy, with a large, bright lightning bolt striking a tall building in the center. The city lights are visible in the foreground and middle ground, creating a contrast with the dark sky. The overall mood is intense and powerful.

Дармоеды притчи

Сергей Бичудский

16+

Сергей Марксович Бичуцкий

Дармоеды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42911167

SelfPub; 2021

Аннотация

Что мы знаем о самих себе? Что мы знаем о жизни? Вроде бы всё, но на самом-то деле такое утверждение весьма спорно, иначе какой смысл в существовании и почитании бесчисленного количества философов, объясняющих нам, что такое жизнь, и как надо жить. По-моему, жизнь человека – самый непознанный феномен окружающего мира, и человечество до самого конца своего существования не перестанет его изучать. Внесём и мы свою лепту.

Содержание

Наконец-то	4
Дармоеды	12
Милый	23

Сергей Бичуцкий

Дармоеды

Наконец-то

В одном из уголков безбрежной вселенной собрались представители времени на очередное собрание, посвящённое обсуждению назревших проблем. Инициаторы таких собраний всегда были одни и те же секунды. Секунды возмущались скоротечностью своего существования, требовали изменения существующего порядка, и, соответственно, искали виновных. А как же без них? Не обошлось даже без постоянного в таком случае транспаранта «Верхи не могут! Низы не хотят!», на который, впрочем, мало кто обращал внимания. Привыкли.

Собрались, как обычно, все. Отсутствие кого-либо, даже по причинам рождения и гибели вселенных, смут, природных катаклизмов, эпидемий и войн, не наблюдалось никогда. Все они были настолько неразрывно связаны друг с другом, что просто не могли существовать как-то отдельно. Секунды, минуты, часы, дни, недели, месяцы, юные года, возмужавшие десятилетия и седовласые века, связанные друг с другом невидимыми нитями, расположились в бесконечном ряду в терпеливом ожидании, чтобы выслушать и обсу-

дить претензии и предложения вечно возмущённых секунд. Хотя, что тут было обсуждать? Все и так знали суть претензий и недовольства некоторых секунд. Заведётся, знаете ли, паршивая овца в стаде, и давай мутить воду. Ну, на то они и овцы! И что же в результате получалось? Наступили мутные времена. Да-да! Именно так всегда и происходило, но, удивительное дело, перенесённые потрясения никого ничему так и не научили, и всё повторялось вновь и вновь. Вот и сейчас, наперёд зная, кто и что будет говорить, отказаться их выслушать или, допустим, цыкнуть на них, мол, «тикайте и не рыпайтесь», не могли, потому как равноправие и демократия. Председателя, как это принято на собраниях у людей, не было, поэтому несколько секунд, которые называли себя почему-то «креативными», а иногда даже и «элитой», ввиду скоротечности своего существования, не стали, что называется «откладывать дела в долгий ящик», и принялись излагать суть своих претензий:

– До каких пор? – возмущённо трещали секунды. – До каких пор будет твориться это неравноправие? Почему ущемлены наши права? Почему мы не можем жить хотя бы столько, сколько живут минуты или часы? Почему те секунды, которые не хотят становиться минутами, обязательно должны ими становиться? Чем мы хуже? Мы требуем свободы! И, наконец, почему от нас скрывают, что существуют не просто часы, а долгие часы?

– Какие – какие? – спросили удивлённые часы.

– Долгие часы ожидания! – ещё более возмутились секунды. – И не смейте отрицать это! Почему мы ничего не знаем об этом? Почему от нас всё время что-то скрывают?

– Ах, это, – горестно вздохнули часы. – Кто же это скрывал? Никто и не скрывал. Ваша жизнь и так коротка, поэтому просто не хотели вас огорчать.

– А вы не решайте за нас! Не надо решать за нас! Мы сами хотим узнать, огорчит это нас или нет. Без вашей подсказки. Может мы, в отличие от вас, будем бесконечно рады?

– Вы уверены в этом? – удивились часы.

– Мы не уверены, но всё хотим испытать сами. Мы хотим свободы! Среди нас есть те, которые не хотят становиться минутами, а есть те, которые хотят быть десятилетиями, и они должны получить на это право.

– Мы не против, но как это сделать? – спросили всё те же часы.

– Мы придумали как! – гордо заявили секунды.

Эта новость вызвала некоторое замешательство среди собравшихся. Даже мирно дремавшие столетия удивлённо приподняли свои тяжёлые полузакрытые веки:

– Но так устроен мир, и, если вы нарушите существующий порядок, то мы все можем погибнуть.

– Не надо нас пугать! Никто не погибнет! Мы всё придумали! Всё! – закричали секунды.

– Что? Что? Что придумали? – посыпались вопросы со всех сторон. Не первый раз они выслушивали претензии и

жалобы секунд на их несчастную жизнь, но впервые те заявили о какой-то идее. Интерес был такой неподдельный, что секунды возгордились на всю длину своей скоротечной жизни. Это чувство вызвало у них неопиcуемый восторг. Они даже замолчали, пытаясь сохранить в себе ощущение собственной значимости. Однако, через несколько поколений, это ощущение стало как-то теряться и стираться в памяти, и секунды, чтобы вообще не забыть о том, чего они хотят, были вынуждены вернуться к изложению своей идеи:

– Мы считаем, что виновниками нашего несчастья являются мгновения. Если бы не они, то вся наша жизнь могла бы сложиться по-другому, – заявили секунды.

Неоднозначность сказанного вызвала недоумение среди участников этого замечательного собрания. Обвинения были чрезвычайно серьёзны, но собравшихся смущал тот факт, что о мгновениях только слышали, причём все без исключения, но никто с ними никогда не сталкивался. А как можно призвать к ответу того, кого ты никогда не видел? И существуют ли они вообще? Может это просто чья-то фантазия? Вопросов было много, но, не найдя никакого рационального ответа, собрание обратилось к секундам, обосновано считая, что, если те заявили о проблеме, значит у них должен быть и какой-то конкретный план, как её решить. И они не ошиблись.

– Мы знаем, что люди научились определять мгновения.

– Люди? – удивилось сообщество. – С их бесконечными

спорами о том, кто они такие на самом деле и как они появились на свет? Как же можно доверять тем, которые о самих себе толком ничего не знают?

– Они даже думают, что они – цари природы, – захихикали столетия. – Ну, разве это не безумие? Надо ж, выдумать такое!

– А вы не смейтесь! Сначала послушайте, а потом уже будете смеяться! – возмутились секунды.

Собрание пристыженно замолчало. Может они действительно что-то знают?

– От нас скрывали самое главное, – продолжили секунды. – От нас скрывали то, что мгновения спрессованы в столетия. Как такое возможно в свободном и равноправном мире? Что вы можете сказать в своё оправдание? – обратились секунды к столетиям, которые даже как-то сжались от прозвучавшего обвинения, беспокойно заёрзали, и принялись о чём-то шушукаться.

– Мы ничего об этом не знаем, – попытались оправдаться смущённые столетия. – Как это не знаете? Как это не знаете, если даже люди об этом знают? – продолжали нападать секунды, воодушевлённые растерянностью столетий. Седовластые бросали друг на друга недоумённые взгляды, но не находили ответа на прозвучавшие обвинения, и это ещё больше раззадорило революционеров:

– Вы видите? Видите? – верещали распалившиеся от гнева секунды. – Им даже нечего сказать в своё оправдание! Это

возмутительно! Мы не рабы! Мы требуем свободы! – заверещали заводилы. – Свободы! Свободы! Свободы! – стали скандировать они, и этот призыв подхватили их ближайшие соседи, а затем и все остальные. Энтузиазм, азарт, воодушевление стали такими, что этот клич, вслед за многочисленными секундами, подхватили сначала минуты, затем часы, дни, месяцы, года, и даже некоторые десятилетия. Зачем они это делали, сказать по правде, не понимали и сами, но так как им казалось, что этого требуют все, просто не посмели выбиваться из общего ряда. Сколько продолжалось бы это скандирование, не известно, если бы вдруг по вселенной не прокатился гул, сотрясший её до основания. Вы хотите узнать, что такое мгновение? – услышали они голос Вечности. Да! Да! – кричали манифестанты.

– Мгновение – моё второе имя! – ответила Вечность. Всё собрание от неожиданности оторопело и замерло. – Вы понимаете все последствия того, что вы требуете? – прервала Вечность воцарившееся молчание. – Понимаем! Понимаем! Для всеобщего счастья нам нужна свобода! – не унимались крикуны. – Вы получите её! – грустно согласилась Вечность. Как только прозвучали эти слова, во вселенной воцарилась полнейшая тишина. Радость от долгожданной свободы была настолько велика, что всё, и время, и пространство, замерли в ожидании. Первой, нарушившей эту тишину, была Луна – Наконец-то! – радостно воскликнула она. – Как мне опостылело всю жизнь вертеться вокруг этой Земли! Ни на

секунду нельзя было оторваться. Как я страдала! Как я мучилась! Кто бы только знал! А я ведь с рождения мечтала о путешествиях! Я была рождена путешественницей! Моя мечта сбылась! Прощайте! – заключила она и помчалась куда-то в далёкий космос. Не зря говорят, что дурной пример заразителен. На её крик отозвалась и Земля: – Столько тысячелетий одно и то же. Одно и то же! Хоть бы на мгновение остановиться и отдохнуть! Как же мне всё это надоело! Ну, хоть бы дух перевести! – сказала Земля и остановила своё вращение. Остановка была такой резкой, что все океаны и моря на Земле вышли из своих берегов, и огромной волной прокатились по её поверхности, уничтожая всё живое на своём пути. И проснулись вулканы, великие и малые, и стали извергать пламя, разрывая Землю на части. И не жалко Земле было того, что она в течение всего своего существования сама же рождала и лелеяла. И не было ей никакого до этого дела, потому что свобода, это когда каждый думает прежде всего о самом себе, и только о самом себе. И престала быть Земля той Землёй, какой она была до этого по своему предназначению. И провалилась Земля в бесконечную чёрную бездну, которую принято называть небытием. И провалились туда вслед за ней все планеты и звёзды. И воцарился мрак. И остановилось время. И наступила всеобщая свобода, а человечество так и не поняло, почему даже одно стремление к свободе всегда сопровождалась множеством смертей. И получило человечество то, к чему стремилось! Сбылась

мечта! Наконец-то! Да здравствует свобода!

Дармоеды

Моя неожиданная командировка во Всемирный Центр Информационных Коммуникаций нарушила размеренное течение жизни.

Я понимал, что вопросы, поставленные руководством далеки от тематики моих исследований, но протестовать не стал, поскольку творческое начало любой деятельности имеет всё-таки какие-то узконаправленные ограничительные рамки.

Хотелось не просто отвлечься, а хотя бы на время погрузиться во что-то новое, поэтому я с радостью откликнулся на поставленную задачу. Бурное развитие научных знаний в области исследований души и её возможностей привели к решению одной из давних задач, которые ставило перед собой человечество.

Выяснилось, что душа обладает такими свойствами и силами, что может самостоятельно телепортировать человеческое тело в любую точку вселенной без ущерба для самого тела. Это открытие настолько резко ускорило процесс развития, что его, скорее всего, можно сравнить с самой телепортацией.

Телепортироваться на другую планету никто не решался, так как способности души распространялись только на принадлежащее ей тело, а попытки использовать её силы в отно-

шении любых других предметов заканчивались полным фиаско. Это открытие, а также отказ от денег, за какое-то десятилетие кардинально изменили мир.

Исчезли государства, кратно сократились средства передвижения и человечество вступило в новую эпоху своего развития, но немедленно избавиться от всех наследий прошлого, особенно в области человеческой психологии, было невозможно. Всемирное правительство уделяло этому вопросу огромное внимание, справедливо считая, что психологические установки прошлого значительно тормозят развитие человечества.

Именно по этому поводу меня и вызвали во Всемирный Центр Информационных Коммуникаций, не раскрывая конкретики проблемы. Мгновенное перемещение в пространстве экономит массу времени и сил. Я без всякой ностальгии вспоминаю о своих путешествиях на автомобилях, поездах и самолётах.

Было, конечно, в них много привлекательного, но всё-таки неудобства, доставляемые таким способом передвижения, были куда значительней всех вместе взятых положительных моментов таких путешествий. Феномен телепортации открыла группа российских учёных, поставивших своей целью реализацию этой давней мечты человечества.

Было понятно, что первым и необходимым условием для левитации и телепортации, если таковые вообще имели место, должна быть чистота души. Не было сомнения в том, что

для этого требуются покаяние и молитва, но возникал естественный вопрос: можно ли как-то ускорить процесс очищения? Этой проблемой и занялась группа молодых учёных. Решение было найдено необычайно быстро. Оказалось, что для очищения души непременным условием служило искреннее желание самого человека. Причём само желание нельзя было вызвать каким-то искусственным путём. Ряд экспериментов, целью которых была попытка с помощью гипноза попытаться внушить человеку желание к самоочищению, окончились неудачей.

Учёные пришли к выводу, что это желание изначально должно было присутствовать в самом человеке. Исходя из достигнутых результатов, вытекал следующий вопрос: можно ли искреннее желание человека очистить душу усилить искусственным путём, а, следовательно, ускорить процесс очищения? Задачу решили неожиданно быстро и успешно. Был создан прибор УЖС, назначение которого можно понять, расшифровав аббревиатуру – усилитель желания самоочищения. Но для достижения нужного результата необходимо было также наличие такого же сильного желания к левитации и перемещению в пространстве. Небольшие изменения в конструкции привели к созданию прибора, который получил более общее название – УЖ (усилитель желаний). Неоднократное использование УЖ дало неожиданный эффект. О том, что душа может учиться было известно издавна, поэтому по прошествии какого-то количества времени люди,

использовавшие Ужа, переставали в нём нуждаться, и силой ума могли помочь человеку вызывать усилия души, необходимые для левитации или перемещения в пространстве независимо от времени. Внешне прибор напоминал тибетейку, которую просто надевали на голову. Тем не менее, успех учёных не привел к тому, что люди массово стали пользоваться изобретением, поскольку желание самоочищения присутствовало далеко не у всех. Прорыв наступил только тогда, когда человечество поняло, что источником множества пагубных склонностей человека, иначе называемых страстями, являются деньги. Именно поэтому было принято болезненное для некоторой части населения Земли решение отказаться от них. Болезненное, потому что сама идея вызвала яростное сопротивление обладателей большого количества денег, поскольку они напрямую могли влиять на принятие решений общегосударственного масштаба, и совершенно не хотели лишаться своих преимуществ. Сам же процесс перехода на совершенно новую систему общественных отношений был куда более безболезненным, чем это могло представляться изначально.

Я телепортировался за пять минут до назначенного времени. Оказавшись в приёмной директора, уселся в кресло в ожидании вызова. Дверь кабинета открылась ровно в 14.00. Я вошёл в зал, одна стена которого представляла собой огромный монитор, разделённый на большое количество секций, каждая из которых демонстрировала независимое

от других изображение. У противоположной стены от входа стоял большой стол, за которым сидел в кресле мой однокурсник Александр Смыслов, занимавший в настоящее время должность директора ВЦИК.

При моём появлении он поднялся, и с приветливой улыбкой пошёл ко мне навстречу.

Мы обнялись, так как лично не встречались уже более двух лет, хотя постоянно контактировали по видеосвязи.

– Ну, как ты? – с улыбкой спросил Александр, приглашая сесть в стоящее рядом с его столом кресло.

– Твоими молитвами, – отозвался я и сел в кресло. – Что за секретность? Нельзя было по видеосвязи решить? – задал я вопрос, который беспокоил меня с момента вызова.

– Нельзя, – отозвался Александр, усаживаясь на своё место. Помолчал какое-то время и продолжил:

– Ты помнишь один из основных законов Всемирной Конституции «О дармоедах»?

– Конечно, – отозвался я. – А что с ним не так?

– С самим законом всё в порядке, – успокоил Александр. – С исполнением проблема, которую нам никак не удаётся решить. Мы считаем, что создавшаяся ситуация может негативно повлиять на всё наше общество.

– В чём она заключается? – заинтересовался я.

– Я сейчас тебе кое-что покажу, и ты поймёшь, в чём её суть, – сказал Александр, нажал кнопку, и множество изображений исчезло.

На экране появилась трансляция из достаточно большого зала, в котором проходило собрание. На сцене в президиуме сидели пожилые и среднего возраста люди, а в зале, при более внимательном рассмотрении, можно было найти и довольно молодых людей. Ничего необычного в том, что я увидел, не было. Может быть только то, что такая форма проведения конференций была теперь довольно редка, но и только. Я с удивлением посмотрел на Александра, но тут он включил звук:

– До каких пор мы будем всё это терпеть? – услышал я возмущённый голос выступавшего, – Нас лишили всего: возможности трудиться на благо человечества, а человека достойного вознаграждения за его труд. Уровняв всех, нас, по сути дела, лишили индивидуальности, а лишив нас индивидуальности, они тем самым попирают наше человеческое достоинство. Они лишили нас права привести человечество ко всеобщему счастью, поэтому я ещё раз спрашиваю вас товарищи: до каких пор мы будем всё это терпеть? До каких пор мы будем соглашаться с тем, что санитарка и главврач живут в одинаковых условиях? Как мы могли допустить это? Я прекрасно отдаю себе отчёт в том, что это произошло из-за нашего недосмотра, из-за нашей расхлябанности, разгильдяйства и попустительства, но никак не могу понять, почему нас, идеологов и философов, да и всех остальных работников в этой области, лишили наших привелегий? Чем мы заслужили такое пренебрежение по отношению к себе и на-

шим партиям? Как, наконец, они посмели распуścić наши партии? Да! Надо признать, что мы не всегда были едины во мнениях, но ведь в том-то и заключался залог успеха развития общества. Ни для кого из нас не секрет, что именно в споре и рождается истина. А утверждение о том, что истина существовала изначально, и именно мы её исказили и продолжаем исказить, я рассматриваю не только как личное оскорбление, но и как глумление над памятью всех наших предков, положивших свои жизни на алтарь борьбы за счастье и свободу человечества. Почему никто не слышит наших призывов? А я вам скажу, товарищи, почему! Можно сколько угодно сотрясать воздух пламенными речами, товарищи, но мы ничего не достигнем, если не предпримем конкретных решительных действий, поэтому я предлагаю созвать всемирную конференцию противников этого строя, и выработать совместный консолидированный план наступления по всем фронтам. Главная задача, которая перед нами стоит – это пробудить сознание наших сторонников по всему миру. Нам нужна революция, товарищи! Именно революция! Никакого соглашения! Никаких уступок этой власти! Никакие жертвы не должны нас пугать и останавливать! Вперёд, товарищи! – Провозгласил оратор и Дмитрий выключил трансляцию.

– Что это за бред, Саша? – с испугом спросил я.

– Увы! Это не бред, а реальность, – грустно ответил Александр, – поэтому я и пригласил тебя. Можно было бы не до-

пустить этого изначально, но...

Когда отменили деньги и политические партии самороспустились, поскольку весь смысл политики заключался в распределении денег, мы полагали, что и сам по себе вопрос о существовании политиков как класса, исчез, но ошибались.

Мы столкнулись с тем, что эти люди, не все, конечно, но большинство, либо не желали переучиваться и включаться в общемировой производственный процесс, либо просто не способны были сделать это.

Их существование противоречило статье Конституции «О дармоедах» и его основной идее, базирующейся на словах Апостола Павла «Кто не работает, тот да не ест!». После горячих дебатов, мы пришли к выводу, что сможем решить эту проблему ненасильственным путём по примеру пророка Моисея. То есть, пусть себе занимаются привычным для них делом, не влияя на жизнь общества. Мы вернули им виртуальные деньги, да и вся их жизнь скорее стала похожа на виртуальную. Они принимали решения, которые никто не исполнял, рассылали приказы, которые никуда не приходили, образовывали комиссии и подкомиссии, которые никому, кроме них, не были нужны, интриговали внутри партий за более высокое место в партийной иерархии и так далее. В общем, продолжали себя вести точно также, как вели себя политики во все времена. На какое-то время они забыли, что вся их жизнь проходит, по сути дела, в придуманном несуществу-

ющем мире. То есть, всё было также, как и в течение всего существования политиков с момента их появления. Мы видели это и успокоились. Нам показалось, что проблема решилась сама по себе, поэтому ослабили внимание. Как оказалось, зря! С месяц назад я совершенно случайно включил трансляцию с их очередного совещания, и вместо привычного обсуждения «текущих вопросов», услышал явную агрессию, звучавшую из уст почти всех выступающих. Те, которые призывали пойти мирным путём, были немногочисленны, их освистывали и подвергали обструкции. Я понял, что наша успокоенность может дорого обойтись всему человечеству, поэтому, зная твой нетривиальный подход к решению любых проблем, пригласил тебя в надежде на то, что ты сможешь нам быстро и безболезненно решить эту проблему. В этом и заключается твоя задача.

– И это всё? – с удивлением спросил я.

– Да, – ответил Александр, – но я прошу тебя отнестись со всей серьёзностью к поставленной задаче.

– А я и не собираюсь шутить, – отреагировал я. – Мне кажется, что можно довольно просто решить этот вопрос. Хочу напомнить тебе известные изречения «Революция пожирает своих детей» и «Разделяй и властвуй!». Мне кажется, надо сделать так, чтобы она «пожрала» их до её реализации.

– Как?

– Довольно просто. Насколько я понимаю, сейчас их снабжение питанием, одеждой и всеми необходимыми для чело-

веческой жизни атрибутами происходит централизованно, и каждый выбирает сам, что ему кушать, как одеваться и так далее. Не так ли?

– Так, – подтвердил Александр.

– Надо передать функцию распределения в ведение руководства «дармоедов».

– И что это даст?

– Для людей со старым складом мышления, поскольку все они материалисты-атеисты, все эти земные блага являются приоритетом по отношению ко всему духовному, поэтому я не сомневаюсь в том, что очень скоро их ряды начнут сами собой редеть.

– Каким образом? – не понял Александр.

– Весьма простым, – с увлечением отреагировал я. – Их стремление к тому, чтобы каждый получал вознаграждение согласно заслугам, в общем-то понятно и привлекательно, но главное заблуждение состоит в том, что определение этих заслуг находится в ведении людей, которые руководят процессом, и очень часто бывает вымышленным. То есть, нет сомнения в том, что они, прежде всего, увеличат размер снабжения самим себе любимым и своим ближайшим клевретам, уменьшив снабжение несогласных с их идеологией, а такие, насколько я понял, в их среде, всё-таки, есть, и это вызовет первоначальный раскол в их сообществе. Конечно, это не произойдёт немедленно после передачи им функций распределения, но то, что это произойдёт обязательно, несомненно.

– Ну, и что же дальше?

– А дальше всё просто, Саша, – продолжил я. – Поскольку выделение питания, одежды и других, необходимых для жизни благ рассчитано на каждого отдельно взятого человека и ограничено какими-то пределами, количество этих благ не увеличивается, следовательно, начнётся расслоение этого сообщества по признакам богатый-бедный. И перед теми, кто оказался в разряде бедных, совершенно естественно, встанет вопрос, как избежать этой бедности. И выход перед ними будет только один – переучиваться и включаться в общемировой трудовой коллектив. Вот и всё! Как только кто-то из них выйдет из этого сообщества, автоматически уменьшится количество выделяемых материальных благ, но сам принцип жизни организации не изменится, поэтому расслоение продолжится. И так будет продолжаться до тех пор, пока не останутся самые непреклонные сторонники этого сообщества, то есть, руководители, но думать они теперь будут не о мировой революции, а о том, как подсидеть друг друга, и этот организм пожрёт сам себя. Что скажешь?

– Мы обращались ко многим людям с этой проблемой, но более безболезненного и, мне кажется, эффективного способа никто не предлагал. Спасибо, дружище!

Да здравствует революция, пожирающая своих детей!

Милый

Наконец-то распогодилось. Почти неделю бушевала метель, хотя календарная весна наступила больше месяца назад. Забыли, наверное, напомнить зиме, что пора на отдых, разгильдяи. А может и не забыли. Может она, по обычаю, своевольничать стала. Ей-то что до этого календаря? Не она придумала, не ей и исполнять. Ещё раз показала, кто в доме хозяин, да и успокоилась, сменив гнев на милость. Ближе к полудню распогодилось. Выглянуло тёплое солнышко, разогнало хмурые тучи, и забарабанила капель. Снег, с утра ослепительно белый и пушистый, стал сереть, рыхлеть, ноздреватиться, оседать, и после полудня заметно убавился в объёме. Запели ручейки, по-пластунски пробираясь под его толщей. Освобождались из-под плена, прорывались наружу, сливались в более мощные потоки, жонглировали солнечными лучами, шумно-радостно восклицая: «Жить! Жить! Жить!», и неслись, подпрыгивая и дрожа от нетерпения после вынужденной разлуки навстречу покрытой льдом Онеге: «Домой! К маме!». Ошалевшие от долгожданного тепла голуби купались в первых лужах, не обращая внимания на проходивших рядом людей. Не до них! «Весна наступила, а мы немые! Гур-гур-гур! Непорядок!». Всё вокруг трепетало от радостного возбуждения. Всё, кроме вылезшего из-под деревянного пирса унылого исхудавшего пса. Шерсть местами свая-

лась, и болезненно слезились глаза. Он медленно поворачивал голову, принюхиваясь к новым запахам, всем своим видом показывая, что грустит, и до прихода весны ему нет никакого дела. Ну, а что удивительного? Какие могут быть радости у бездомного пса? Хотя, бездомным назвать его можно было весьма условно, поскольку всю свою жизнь он прожил под этим пирсом, который и стал его домом. И родился тут, под ним. Двух братьев и сестрёнку забрали домой работники судоремонтного завода, а он оказался никому не нужен. Даже мамке, которая, покормив его с месяц, ушла однажды и не вернулась. Тут бы ему и конец, но он не умер от голода и холода, и его не загрызли злые бродячие псы. А всё потому, что на горемыку обратили внимание работницы заводской столовой, пожалели и стали подкармливать, а злые бродячие псы на территории завода не водились. Так он и рос, не зная забот и печали, обретя, как говорится, и кров, и стол, там, где появился на свет.

Постояв какое-то время в раздумье, Пират медленно побрёл в сторону столовой, туда, где ему обычно оставляли большую железную миску с едой. Миска была пуста. Вот уже неделю, как столовую закрыли на ремонт, и его жизнь из сытой и беззаботной превратилась в сплошную голодную муку. За три года, что прожил на территории завода, такого не случилось и он растерялся, не зная, что делать. Первые два дня ещё как-то терпел, а потом обрушилась метель, и всё, что он решался, так это добежать до миски, обнюхать её и,

не солоно хлебавши, дрожа от холода, вернуться под пирс. И там, конечно, не Африка, но множество тряпья, которое притащила его подруга Найда, давало хоть какое-то тепло, а различные поперечные балки, доски и столбы, поддерживающие пирс, да наметённый сугроб, защищали от ветра.

Подруга появилась летом. Забрела в поисках съестного на территорию завода, встретила с Пиратом, наелась до отвала, да и осталась. От добра добра не ищут. А неделю назад появились на свет четыре маленьких щеночка, аккуратно в тот день, когда нагрянула метель. Терпеть голод Найда могла куда лучше Пирата, но молоко кончалось, поэтому третьего дня оставила щенков с папашей, и отправилась на поиски пищи. Поход закончился плачевно. Отойдя с десятков метров от пирса, наступила на какую-то острейшую железяку, сокрытую под снегом, сильно поранила лапу, и вынуждена была вернуться обратно зализывать рану. Так они и просидели голодные до окончания непогоды.

Обследовав пустую миску, Пират направился к литейному цеху. Так, без всякой надежды. Потому что не знал, что делать дальше. Не привык добывать себе пищу. Обойдя всю территорию завода, и, не найдя ничего привлекательного, уныло повернул к логову. Встречные рабочие с удивлением смотрели на исхудавшего, понуро бредущего Пирата, но никому и в голову не приходило, что он просто голоден. Думали, заболел. Иногда гладили, подбадривали словами, но на том дело и кончалось. Ласка, конечно, вещь приятная, но

сахарная косточка, или даже просто косточка, или вообще хоть что-нибудь, куда приятнее. Пёс преданно смотрел в глаза каждому из обративших на него внимания рабочему, но как объяснить им, что ему нужно, не знал. Усиленное махание хвостом не помогало. Так и не дождавшись понимания, побрёл в сторону пирса. Дорога пролегала мимо небольшого продуктового магазинчика для рабочих. Но там искать что-то было бесполезно. Ни разу за три года его там не кормили. Приблизившись к магазину, Пират отпрянул, испугавшись резкого скрипа открывшейся двери. Из дверного проёма показалась рука и выбросила прямо на образовавшуюся прогалину какие-то белые палочки с красными пятнами. Пёс хотел подойти и обследовать то, что было выброшено, но тут же отпрянул, так рука стала появляться опять и опять, и новые палочки последовали за первыми. Наконец, дверь закрылась, и Пират, чую манящий запах, подошёл к палочкам. Он не верил своим глазам. Прямо перед ним по всей прогалине были разбросаны куриные лапки. Разум собаки помутился от запаха. Пират схватил ближайшую, мгновенно перекусил, проглотил, схватил очередную, так же в мгновение ока расправился с ней, и стал безудержно набивать пасть этими безумно вкусными лапками, глотать, не пережёвывая, давиться, отрывивать, снова и снова возвращаясь к ним. Остановился только тогда, когда устал, когда не было уже сил ни перекусывать, ни глотать. Мало-помалу прояснилось сознание, и он увидел, что остались только две лапки. Постоял ка-

кое-то время, раздумывая, что с ними делать, схватил в пасть и побежал к пирсу. Забравшись в логово, положил лапки перед Найдой, отошёл в сторону, и улёгся. Подруга с удивлением посмотрела на Пирата, съела принесённые лапки, с благодарностью подумала: «Милый! Какой он заботливый!», и принялась вылизывать малышей.

* * *

Оформление обложки: <https://unsplash.com> фото: Fabio Hanashiro.